

Научная статья

УДК 343.988

МАРГИНАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ КАК ФАКТОР СИСТЕМНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

✉ Громова Ольга Николаевна.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия

✉ oritus@efndex.ru

Аннотация. Рассмотрен феномен маргинальной виктимности, определены его понятие и основные признаки, проанализирована связь маргинального поведения как противоправного, так и правомерного с реакцией индивида на риски, порождаемые вызовами и угрозами современного мира. Авторы пришли к выводу, что институт безопасности в современных условиях является эффективным, только будучи представленным системной конструкцией, объединяющей диагностику угроз и минимизацию рисков. В целях обоснования этой позиции в статье рассматриваются два направления обеспечения системной безопасности – профилактическое и оперативное. Гипотетической основой этих направлений является презумпция потенциальной подверженности опасности, вызванной угрозами и рискам со стороны любого субъекта в любой жизненной ситуации. Высказывается авторское мнение о том, что в документах стратегического планирования личность должна рассматриваться как отдельный самостоятельный субъект охранительного правового воздействия, а для обеспечения ее виктимологической безопасности следует либо предусмотреть в образовательных программах самостоятельные учебные курсы виктимологии, либо организовать включение отдельных тематических блоков в отраслевые и межотраслевые дисциплины.

Ключевые слова: вызовы, риски, угрозы, системная безопасность, виктимологическая безопасность, виктимность, виктимизация, жертва

Для цитирования: Громова О.Н. Маргинальная виктимность как фактор системной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 2 (59). С. 56–64.

Scientific article

MARGINAL VICTIMIZATION AS A FACTOR OF SYSTEM SECURITY

✉ Gromova Olga Nikolaevna.

Saint-Petersburg Humanitarian university of trade unions, Saint-Petersburg, Russia

✉ oritus@efndex.ru

Abstract. The phenomenon of marginal victimization is considered, its concept and main features are defined, the connection of marginal behavior, both illegal and lawful, with the individual's reaction to the risks generated by the challenges and threats of the modern world is analyzed. The authors came to the conclusion that the institute of security in modern conditions is effective only if it is represented by a system design that combines threat diagnostics and risk minimization. In order to substantiate this position, the article discusses two areas of system security - preventive and operational. The hypothetical basis of these directions is the presumption of potential exposure to danger caused by threats and risks from any subject in any life situation. The author's opinion is expressed that in strategic planning documents, a person should be considered as a separate independent subject of protective legal influence, and in order to ensure its victimological safety, it is necessary either to provide independent victimology training courses in educational programs, or to organize the inclusion of separate thematic blocks in sectoral and intersectoral disciplines.

Keywords: challenges, risks, threats, system security, victimological security, victimization, victimization, victim

For citation: Gromova O.N. Marginal victimization as a factor of system security // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii = Right. Safety. Emergency situations. 2023. № 2 (59). P. 56–64.

«Быть маргинальным человеком, – считал Э.В. Стоунквист, – всегда нечто проблемное, хотя это обстоятельство может вызывать больше изумление, чем отчаяние, и скорее стимулировать индивида к чему-то, нежели угнетать» [1]. Эта мысль, высказанная американским социологом почти 90 лет назад, по-прежнему имеет свою практическую значимость. Черты личности, по мнению автора, отражают состояние неустроенности, неприспособленности, которые могут быть сугубо внутренними и хорошо контролируемыми, то есть совсем незаметными для окружающих. Такое состояние способно сохраняться длительный период, по крайней мере до тех пор, пока не наступит «благоприятная» среда либо ситуация, способная изменить реакцию индивида на окружающую действительность.

Другая крайность, по мнению Э.В. Стоунквиста, проявляется в конфликтах, способных деморализовать индивида, ввергнуть в беспокойство и иницировать процесс дезорганизации, способный завершиться распадом, преступлением или другими негативными явлениями.

Маргинальность является амбивалентным явлением, которое воспринимается учеными, с одной стороны, с позиции социальной дисфункции, то есть как негативное свойство общества и одновременно как определенный источник прогресса [2]. Маргинальность как причину социальной дисфункции целесообразно рассмотреть в ее связи с виктимностью, являющейся частью категориального аппарата виктимологического учения о жертве вредоносного воздействия.

Подходы к определению как самого понятия виктимности, так и различных форм ее проявления отличаются многообразием, поскольку ориентируются не только на субъективный аспект, предполагающий предрасположенность лица стать при определенных условиях жертвой агрессии, но и на объективные обстоятельства, возникающие независимо от субъективной воли и позволяющие рассматривать в качестве потенциального адресанта возникающих в процессе социального развития вызовов и угроз, практически любого человека, независимо от его социально-правового статуса и общественного положения.

Классический подход к определению виктимности как к направлению криминологической науки оперирует понятием жертвы, чаще всего в связи с исследованием феноменов преступления и преступности. «Сама идея виктимологии, ее концептуальная основа, – писал один из основателей отечественной виктимологии как науки, – имела источники, изначально сформировавшиеся на криминальной фактологии» [3].

Вместе с тем рассмотрение современного мира, переживающего глобальные трансформации и обусловленные ими многочисленные вызовы и угрозы, предопределяет «выход» виктимности за сугубо криминальные рамки, придавая ей концептуальные свойства многоаспектного полисемического характера.

С одной стороны, определяя сущность виктимности, исходят из объективности процессов и явлений, происходящих в обществе в силу признания того, что потенциальная жертвенность, как психологическая «готовность» лица подвергнуться негативному воздействию исходящей от всего неизвестного (чужеродного) угрозы, присуща практически всем конфликтным сферам общественных отношений, то есть практически всем инновационным и новационным социальным коммуникациям. Объективность вызовов и угроз порождает объективность жертвенности как специфического психического состояния, присущего любому индивиду. Следовательно, виктимность как объективная качественная характеристика индивидуального статуса присуща каждому человеку.

С другой стороны, следует признать, что практически любая социальная среда, будь то семья, работа, спорт, коммерция и т.п. способна провоцировать определенные риски и выступать в качестве источника обуславливающих эти риски угроз [4]. Нахождение в такой среде выступает в качестве фактора побудительного характера, мотивирующего субъекта на совершение действий, формально квалифицируемых в качестве противоправных, однако на уровне корпоративного сознания оцениваемых в качестве допустимых и, более того, одобряемых (коррупционные отношения в сфере реализации субъективных интересов, использование допинга спортсменами, браки «по расчету» и т.п.). В таком понимании виктимность имеет внутреннюю связь с маргинальностью как с формой латентного

противоправного поведения. Следуя данной теории, маргинальная виктимность предполагает латентное противоправное поведение лица, связанное с рисками в области потенциальных негативных последствий, обусловленных угрозами и вызовами социальной «среды обитания». В этой связи личность выступает как носитель совокупности определенных субъективных качеств (интересов, предпочтений, обязательств и т.п.), способных повлиять на виктимологическую ситуацию. Например, возникновению финансовых пирамид способствовали не только процессы приватизации и зарождения финансового рынка, но и наличие политической и экономической ситуации в стране, благоприятствовавшей укоренению в общественном сознании представлений о буржуазно-либеральных ценностях, сводимых к пресловутым тезисам: «деньги правят миром», «успех любой ценой», «цель оправдывает средства» и т.п., которые в условиях отсутствия системного законодательства, регламентирующего отношения в сфере собственности и «настроенного» на эффективную правоохранительную деятельность государственного механизма, обусловили массовую криминализацию общественных отношений, всплеск коррупции, активизацию нигилистических и экстремистских настроений. Применительно к ранее упомянутым финансовым пирамидам, является очевидным то обстоятельство, что без осознанного стремления и физического участия обманутых вкладчиков было бы невозможным создание конструкции, основанной на элементарной человеческой алчности – желании получить быстрый и большой доход, не прилагая особых усилий [5]. Таким образом, привлеченные мифом «сказочного обогащения» потенциальные жертвы мошенничества изначально создавали для себя ситуацию, сопряженную с риском наступления неблагоприятных последствий.

Следует отметить, что в рамках маргинальной виктимности категория маргинальности предполагает формы как правомерного, так и противоправного поведения субъектов в условиях определенной ситуации, сложившейся при наличии внешних обстоятельств. Таким образом, виктимное поведение, во-первых, зависит от ситуации, порождающей право выбора индивида, являющегося «конечной инстанцией», принимающей решение о совершении определенного деяния либо отказе от него. Во-вторых, определяется индивидуальными субъективными характеристиками, способствующими либо препятствующими внешнему проявлению потенциальной виктимности, причем сценарий развития ситуации во многом зависит от типа правомерного поведения (социально-активного, традиционного, конформистского, маргинального), обусловленного риском наступления неблагоприятных последствий, увеличивающего потенциальную возможность стать жертвой вредоносных последствий нахождения в той или иной социальной среде обитания.

Исходя из вышесказанного, следует обозначить позицию, в рамках которой маргинальная виктимность проявляется во внутренней готовности человека к поведению, увеличивающему имеющийся у него потенциал стать при определенных условиях как жертвой преступления, так и ее субъектом. Во втором случае маргинальная виктимность предполагает внутреннюю готовность субъекта стать жертвой наказания, предусмотренного санкциями соответствующих уголовно-правовых норм. При этом риски, предполагающие негативные последствия, являются для одного субъекта сдерживающим фактором, препятствующим его включению в соответствующую агрессивную среду (человек, осознающий свою зависимость от азартных игр, предпринимает усилия, сдерживающие проявление его порочного влечения), другого «подталкивают» к совершению противоправных деяний, «маскируемых» посредством конформистской мимикрии, выраженной в адаптивных формах социального поведения (быть как все, не выделяться из коллектива), а третьего побуждают к активным действиям, провоцирующим эскалацию агрессии и, как следствие, наступление вредоносных последствий. Перечисленные ситуации означают, что человек осознанно либо инстинктивно участвует в формировании системы собственных рисков, поскольку в складывающихся фактических жизненных обстоятельствах волен принять любое из трех предложенных выше ситуативных решений. По сути ни одно из этих решений не является идеальной моделью поведения, поскольку все они создают потенциальную возможность манипулирования сознанием субъекта, что при неблагоприятном исходе приводит к виктимизации любой ситуации, связанной с определенным риском.

Опыт проведенных исследований позволяет утверждать, что вызовы и угрозы, присущие инновационным и новационным коммуникациям (социальным средам), являются объективными, а это значит, что не имеет смысла говорить об их недопущении либо устранении как в текущем времени, так и в обозримой будущей перспективе. Воздействие на существующие и вновь возникающие угрозы возможно только как реакция на уже имеющие место вредоносные последствия. В таком понимании квалификация угроз, равно как и диагностирование и прогнозирование рисков, способных минимизировать их негативные последствия, является наиболее эффективным способом формирования адекватной позиции, в рамках которой субъективная виктимность в целом и маргинальная виктимность в частности представляют собой психолого-поведенческие факторы, влияющие как на безопасность отдельных субъектов, так и на систему коллективной безопасности в целом.

Современный мир представляет собой сложноструктурированную конструкцию, развивающуюся под воздействием различных факторов как объективного, так и субъективного характера. Происходящие изменения, оказывающие влияние на сознание и поведение индивидуальных и коллективных субъектов общественных отношений в современной научной литературе, получили наименование вызовов. В рамках предлагаемой работы под термином «вызов» понимается совокупность определенных обстоятельств, вызывающих изменения в окружающей среде, дестабилизирующих жизнеустройство человечества и порождающих негативные факторы, существенно повышающие индивидуальную и массовую виктимность (угроза). В данном случае авторы согласны с точкой зрения И.А. Сушкова, утверждающего, «что категория «вызов» является первичной составляющей взаимозависимости «опасность» и «безопасность» и выводящего формулу «вызов-опасность-угроза-риск», в которой обозначенные явления рассматриваются как взаимно обусловленные, детерминирующие явления [6].

Полагаем, что в данном случае категория «риск» напрямую связана с угрозами, под воздействием которых развиваются ситуации, способные привести к неблагоприятным последствиям, включая причинение физического, материального и морального вреда. При этом выявление риска свидетельствует, с одной стороны, о наличии факта угрозы, а с другой стороны, предопределяет возможность субъективного выбора: использовать связанную с риском возможность либо отказаться от рискованного варианта поведения. Профессор В.В. Разуваев по этому поводу высказал совершенно справедливую позицию: «Подходы к понятию риск чрезвычайно разнятся, однако у них есть нечто общее. Риск присущ выбору и может, по существу, влиять на решение, сделанное в отношении различных вариантов. ... В случае с риском, сталкиваемся, по крайней мере, с двумя кардинальными проблемами. Первая состоит в самом риске. Вторая – в субъективной его оценке, что само по себе тоже является риском» [7].

Анализ специальной литературы показал отсутствие единого понимания риска, что является вполне справедливым, поскольку принадлежность к разным отраслям научного познания придает данной категории определенную специфику. В контексте рассуждений о виктимологии как об учении о жертве в понятие риска вполне логично включить отрицательные, негативные последствия характеризующегося рисками поведения. При этом пока риск потенциален (субъект предполагает, что сам по себе риск возможен, но с чем именно он связан, не осознает), он является самым низким уровнем опасности, но в случае его реализации (фактическое «превращение» субъекта из «нейтрального», не вовлеченного в агрессивную социальную среду лица в ее жертву) опасность стремительно повышается, «включая» виктимизационный процесс, в ходе которого предполагаемая (потенциальная) жертва превращается в реальную, со всем набором присущих ей психологических и поведенческих качеств. Таким образом, «вызовы-угрозы-риски» представляют собой факторы, характеризующие практически любую социальную среду, в которую вовлекаются субъекты, в зависимости от складывающихся обстоятельств, являющиеся как жертвами, так и элементами, связанными с агрессивными проявлениями угроз. В свою очередь, последние также выступают в качестве потенциальных жертв в отношении исходящей от государства угрозы наказания за противоправное поведение.

Изложенное выше «выстраивается» в следующую схему (рис.).

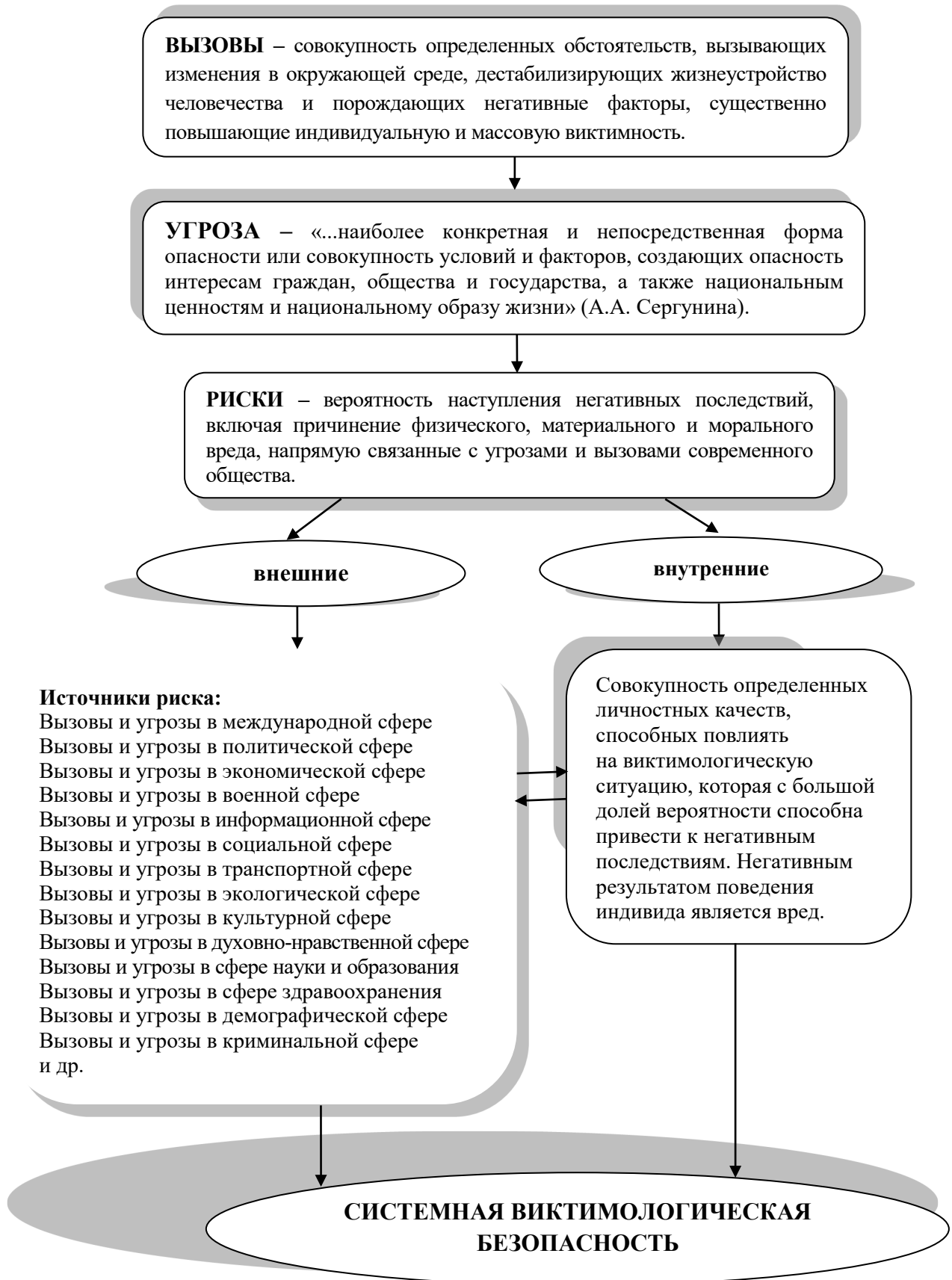

Рис. Вызовы и угрозы безопасности

По мнению В.И. Задорожного, виктимологическая безопасность – это состояние защищенности лиц от всевозможных угроз, в том числе криминальных, возникающих в экстремальных ситуациях, конфликтах, обеспечиваемое государством, широким кругом его субъектов посредством снижения виктимности этих лиц, ослабления негативного влияния виктимогенных и иных факторов и ситуаций, достигаемое активным внедрением и применением мер, выработанных криминальной виктимологией [8]. При всей справедливости этого определения автор считает необходимым в документах стратегического планирования выделить личность как особый субъект профилактики и защиты, уделяя ему максимальное внимание при диагностике рисков, вызываемых современными угрозами, в целях их минимизации.

Помимо криминальной виктимологии следует применить опыт социально-педагогической виктимологии, объектом которой являются:

«а) виктимогенные макро-, мезо- и микрофакторы, а также категории людей, под их влиянием ставшие или могущие стать жертвами неблагоприятных условий социализации;

б) конкретные социальные общности (группы) или отдельные их представители (индивидуумы), ставшие или могущие стать жертвами неблагоприятных условий социализации» [9]. Этот опыт позволит внедрить в учебный процесс практически любого направления подготовки виктимологические знания.

Сегодня вопросы виктимологии изучаются далеко не во всех вузах. В основном проблемы, связанные с жертвой, включены в программы юристов, как правило, в рамках традиционных тем и на основе криминального фактологического материала. Отмечены программы по дисциплине «виктимология» таких профилей, как социальная педагогика, патопсихологическая диагностика и психотерапия, клиническая психология, педагогика и психология, в которых также не учтены современные вызовы и угрозы и связанные с ними риски.

Современная трансформация мироустройства породила разнообразные вызовы системной безопасности Российского государства и общества, затронув практически все сферы социально-политической жизнедеятельности и предопределив видоизменение существующих, а также появление новых угроз [10]. Стратегическое планирование, предполагающее прогнозирование вызовов и угроз и применение превентивных мер их нейтрализации, чаще всего оставляет без внимания человека как личность. В условиях же планирования мероприятий, направленных на обеспечение безопасности, следует учитывать как внешние угрозы, порождающие определенные риски для населения страны, так и внутренние, которые неизбежны в силу того, что виктимность является потенциальным свойством любого человека. Внутренняя сторона рисков всецело зависит от самого индивида, маргинальные качества которого существенно увеличивают индивидуальную виктимность, влияя при определенных условиях на виктимность групповую и даже массовую. Поэтому в условиях современных вызовов нельзя не учитывать личность как системную составляющую безопасности. Отмечая значимость проблем, касающихся личной безопасности как фактора безопасности системной, приходится констатировать, что в законодательных актах данный аспект упоминается в обобщенном виде наряду с государством и обществом, хотя требует более конкретного и детального подхода.

В качестве инструментария, позволяющего акцентировать внимание как законодателей, так и правоприменителей на достижении целевой установки личной безопасности, следует использовать такую категорию, как виктимологическая деятельность, являющуюся особым видом социальной активности, характеризующейся сознательной и мотивированной направленностью на удовлетворение как индивидуальных, так и корпоративных и общесоциальных потребностей, обеспечивающей эффективную защиту человека, общества, государства от рисков, обусловленных угрозами, возникающими в процессе глобальных трансформаций, и представляющих объективное проявление процессов мирового цивилизационного развития.

Виктимологическая деятельность как форма межотраслевой коммуникации определяет формирование виктимологической компетентности путем концентрации виктимологических знаний, расширения аналитических способностей, воспитания ценностных характеристик, определяющих прогнозирование возникновения негативных ситуаций, содержащих определенные угрозы, опыт путей их предотвращения, умение принять верное решение для стабилизации положения, уже возникшего в связи с профессиональной деятельностью, создание условий для повышения уровня защищенности населения, защиты и реабилитации пострадавших [11].

По результатам проведенного анализа представляется целесообразным сформулировать следующие выводы:

В настоящий момент изменилась парадигма мировосприятия. На смену биполярной картине мира и двухкомпонентной оценочной методике приходит многополярная и многокомпонентная система мировосприятия. Современный мир представляет собой общность оценочных и поведенческих моделей, каждая из которых является «правильной для себя» и вместе с тем может представлять угрозу для других. В подобном понимании современный мир представляет собой динамичную перманентно изменяющуюся социально-политическую «среду обитания», порождающую вызовы и угрозы, направленные на участников общественных отношений. При этом в качестве «агрессивной» среды, генерирующей «вызовы-угрозы-риски», следует рассматривать практически все сферы социальной жизнедеятельности, включение в которые связано с опасностью получения вредоносных последствий и, как следствие, обуславливает определенные психологические и поведенческие реакции со стороны участвующих субъектов, каждый из которых представляет собой потенциальную жертву для связанной с риском угрозы. Восприятие рисков и реакция на них позволяют говорить о субъективной виктимности как об адекватной реакции личности на угрозу независимо от того, какой социальной средой эта угроза порождается.

Из общетеоретической модели виктимности представляется целесообразным выделение институциональной конструкции маргинальной виктимности, в рамках которой в качестве потенциальной жертвы вредоносных последствий будет выступать как потерпевший, так и субъект правонарушения. Человек в равной степени опасается стать жертвой как со стороны частного лица, так и со стороны выступающих от имени государства органов власти и должностных лиц. Таким образом, в рамках маргинальной виктимности, поведение «жертвы» может быть как правомерным (жертва преступления), так и противоправным (жертвенность субъекта, совершающего преступления и осознающего риски подвергнуться наказанию).

В этих условиях системная безопасность представляет собой полиструктурную многофункциональную конструкцию, в которой сама по себе безопасность является производной от опасности («вызов-угроза-риск-вредоносное последствие») и в своем динамическом состоянии представлена двумя направлениями – профилактическим (предотвращение потенциальной опасности) и оперативным (адекватной реакцией со стороны компетентных государственных органов, общества и индивидов на фактическую опасность). Системная безопасность как целенаправленный поведенческий процесс основывается на презумпции подверженности опасностям любого субъекта в любой жизненной ситуации.

В таком понимании системная виктимологическая безопасность, предполагая объективность как связанных с глобальными трансформациями опасностей, так и наличие в сознании каждого человека «синдрома жертвы», предполагает формирование комплексного межотраслевого механизма социальной адаптации, обеспечивающего оптимальное соотношение на всех социальных уровнях (индивидуальном, корпоративном, национальном) мотивационных факторов, способствующих адекватному восприятию возникающих рисков и их учету в процессе определения вариативности социального поведения.

Список источников

1. Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. М., 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 9–36.
2. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели // Государство и право. 2015. № 5. С. 30–39. EDN TUJCHH.
3. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
4. Степаненко Р.Ф. Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности // Государство и право. 2018. № 6. С. 13–22. DOI: 10.7868/S0132076918060021. EDN URPVHE.
5. Петренко Д.И., Филоненко М.М., Попова С.В. Участие населения в финансовых пирамидах как показатель недостаточного уровня финансовой грамотности // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 2-3. С. 85–88.
6. Сушкова И.А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4. С. 12–14.
7. Разуваев В.В. Теоретическое определение понятия риск // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/09/72007> (дата обращения: 07.04.2023).
8. Задорожный В.И. Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 19.
9. Мудрик А.В., Петрина М.Г. Социально-педагогическая виктимология как отрасль знания // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2016. Вып. 1 (40). С. 38–45.
10. Ходаковский Е.А. Системология безопасности (применение системного анализа к явлениям безопасности) // Безопасность. № 7-9. С. 178–185.
11. Громова О.Н. Виктимологическая деятельность как основа профессиональной виктимологической компетентности будущего специалиста для экономической сферы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/123-20016> (дата обращения: 08.04.2023).

References

1. Stounkqvist E.V. Marginal'nyj chelovek: Issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. M., 2006. T. 8. Vyp. 1. S. 9–36.
2. Stepanenko R.F. Obshchepравovaya teoriya marginal'nosti: osnovnye podhody i celi // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 5. S. 30–39. EDN TUJCHH.
3. Rivman D.V. Kriminal'naya viktimologiya. SPb.: Piter, 2002. 304 s.
4. Stepanenko R.F. Pravovye riski kak predmet issledovaniya obshchej teorii prava: problemy i perspektivy metodologii mezhdisciplinarnosti // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 6. S. 13–22. DOI: 10.7868/S0132076918060021. EDN URPVHE.
5. Petrenko D.I., Filonenko M.M., Popova S.V. Uchastie naseleniya v finansovyh piramidah kak pokazatel' nedostatochnogo urovnya finansovoj gramotnosti // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 2-3. S. 85–88.
6. Sushkova I.A. Sootnoshenie i vzaimosvyaz' ponyatij «vyzov», «opasnost'», «ugroza», «risk» // Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo. 2018. № 4. S. 12–14.
7. Razuvaev V.V. Teoreticheskoe opredelenie ponyatiya risk // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2016. № 9. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2016/09/72007> (data obrashcheniya: 07.04.2023).
8. Zadorozhnyj V.I. Konceptual'nye osnovy viktimologicheskoy profilaktiki prestuplenij: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2006. S. 19.
9. Mudrik A.V., Petrina M.G. Social'no-pedagogicheskaya viktimologiya kak otrasl' znaniya // Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologiya. 2016. Vyp. 1 (40). S. 38–45.

10. Hodakovskij E.A. Sistemologiya bezopasnosti (primenenie sistemnogo analiza k yavleniyam bezopasnosti) // *Bezopasnost'*. № 7-9. S. 178–185.

11. Gromova O.N. Viktimologicheskaya deyatel'nost' kak osnova professional'noj viktimologicheskoy kompetentnosti budushchego specialista dlya ekonomicheskoy sfery // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 3. URL: <http://www.science-education.ru/123-20016> (data obrashcheniya: 08.04.2023).

Информация о статье:

Поступила в редакцию: 20.03.2023

Принята к публикации: 24.04.2023

The information about article:

Article was received by the editorial office: 20.03.2023

Accepted for publication: 24.04.2023

Информация об авторах:

Громова Ольга Николаевна, заведующая кафедрой отраслей права Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (192102, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15), кандидат юридических наук, доцент, e-mail: oritus@yande.ru

Information about the authors:

Gromova Olga N., head of the department of branches of law of Saint-Petersburg Humanitarian university of trade unions (192102, Saint-Petersburg, Fuchika str., 15), candidate of law, associate professor, e-mail: oritus@yande.ru